

О. Э. Мандельштам

*Музыка
твоих шагов...*

ББК 84 (2 Рос—Рус) 6
М 23

Осип Эмильевич Мандельштам

М 23 Музыка твоих шагов... — М.: ЗАО «Олма Медиа Групп», 2012. — 304 с.

ISBN 978-5-373-04606-0

Осип Эмильевич Мандельштам (1891-1938) — поэт Серебряного века, прозаик, переводчик, погибший в страшные годы репрессий в сталинских лагерях. Критики упрекали его в несовременности, излишней метафоричности, а между тем его стихи до сих пор манят и чаруют читателя совершенством формы и неподдельностью чувств. Друзья подтрунивали над его неспособностью к жизни и до последних лет старались уберечь от бытовых неурядиц, после же — навсегда «сохранили его речь».

Его поэзия — «музыка небесных сфер», каждое стихотворение — застывший миг, тончайший срез настоящего. Сборник избранных произведений поэта — калейдоскоп впечатлений, чувств, озарений великого романтика Мандельштама.

ББК 84 (2 Рос—Рус) 6

ISBN 978-5-373-04606-0

© Лазарчук Д. А., состав, 2012
© ЗАО «Олма Медиа Групп», 2012

Содержание

<i>О. Э. Мандельштам</i>	7
<i>Стихотворения ранних лет (1906–1915)</i>	13
«Тянется лесом дороженька пыльная...»	14
«Только детские книги читать...»	15
«О красавица Сайма, ты лодку мою колыхала...»	16
«Мой тихий сон, мой сон ежеминутный...»	16
«Здесь отвратительные жабы...»	17
«Музыка твоих шагов...»	17
«Нежнее нежного...»	18
«На бледно-голубой эмали...»	19
«Дано мне тело — что мне делать с ним...»	19
«Невыразимая печаль...»	20
«В морозном воздухе растаял легкий дым...»	20
«Истончается тонкий тлен...»	21
«В просторах сумеречной залы...»	21
«Ты улыбаешься кому...»	22
«Бесшумное веретено...»	23
«Не говорите мне о вечности...»	23
Silentium	24
«Где вырывается из плена...»	24
«Под грозowymi облаками...»	25
«Вечер нежный. Сумрак важный...»	25
«Когда укор колоколов...»	26
«Мне стало страшно жизнь отжить...»	27
«Как облаком сердце одето...»	27
«Я вижу каменное небо...»	28
«Неумолимые слова...»	29
Змей	29

«Слух чуткий парус натягает...»	31
«Из омута злого и вязкого...»	32
«Душный сумрак кроет ложе...»	32
«Не спрашивай: ты знаешь...»	32
«Дождик ласковый, мелкий и тонкий...»	33
«Скудный луч холодной мерою...»	34
«Воздух пасмурный влажен и гулок...»	35
Раковина	35
Кузнец	36
«Я ненавижу свет...»	37
Казино	38
«Образ твой, мучительный и зыбкий...»	38
«Паденье — неизменный спутник страха...»	39
Царское Село	39
Золотой	40
Лютеранин	41
Notre Dame	42
Старик	44
«Черты лица искажены...»	45
Адмиралтейство	45
Теннис	46
«Заснула чернь. Зияет площадь аркой...»	47
Американ-бар	47
Песенка	48
Летние стансы	49
«В спокойных пригородах снег...»	50
Кинематограф	50
«Отравлен хлеб и воздух выпит...»	53
Египтянин	53
«От легкой жизни мы сошли с ума...»	54
Автопортрет	55
Ахматова	55
«Как Черный ангел на снегу...»	56

«О временах простых и грубых...»	57
Равноденствие	57
Рим	58
«Пусть имена цветущих городов...»	58
Перед войной	59
Немецкая каска	59
Европа	60
«“Морожено!” Солнце. Воздушный бисквит...»	60
«Я не слышал рассказов Оссиана...»	61
«Посох мой, моя свобода...»	62
«Уничтожает пламень...»	63
Аббат	63
«И поныне на Афоне...»	64
«От вторника и до субботы...»	65
«О свободе небывалой...»	65
Дворцовая площадь	66
«Бессонница. Гомер. Тугие паруса...»	67
«Обижено уходят на холмы...»	67
«С веселым ржанием пасутся табуны...»	68
«У моря ропот старческой кифары...»	69
«Я не увижу знаменитой “Федры”...»	69

Стихотворения 1916-1920

Зверинец	72
«В разноголосице девического хора...»	74
«На розвальнях, уложенных соломой...»	74
«О, этот воздух, смутой пьяный...»	75
<Петрополь>	76
«Не веря воскресенья чуду...»	77
«Эта ночь непоправима...»	78
«— Я потеряла нежную камю...»	79
Мадригал	80

Соломинка	80
Декабрист	83
«Золотистого меда струя из бутылки текла...»	84
Меганом	85
«Среди священников левитом молодым...»	86
«Когда октябрьский нам готовил временщик...»	86
«Когда на площадях и в тишине келейной...»	87
Кассандре	88
«В тот вечер не гудел стрельчатый лес органа...»	90
«Что поют часы-кузнечик...»	91
«На страшной высоте блуждающий огонь!..»	91
«Когда в теплой ночи замирает...»	92
Сумерки свободы	93
«Все чуждо нам в столице непотребной...»	94
Tristia	95
Черепаша	96
Феодосия	97
«В хрустальном омуте какая крутизна...»	99
«Мне Тифлис горбатый снится...»	99
«Вернись в смесительное лоно...»	100
Венецкая жизнь	101
«Сестры тяжесть и нежность, одинаковы ваши приметы...»	102
Актер и рабочий	103
«Где ночь бросает якоря...»	104
«Когда Психея-жизнь спускается к теням...»	105
Ласточка	105
«Возьми на радость из моих ладоней...»	106
«Чуть мерцает призрачная сцена...»	107
«В Петербурге мы сойдемся снова...»	108
«За то, что я руки твои не сумел удержать...»	109
«Когда городская выходит на стогны луна...»	110
«Мне жалко, что теперь зима...»	111
«Я наравне с другими...»	112

«Я в хоровод теней, топтавших нежный луг...» 113

Стихотворения 1921-1925 115

Концерт на вокзале 116

«Умывался ночью на дворе...» 117

«Кому зима — арак и пуши голубоглазый...» 118

«С розовой пеной усталости у мягких губ...» 119

«Холодок щекочет темя...» 119

«Как растет хлебов опара...» 120

«Я не знаю, с каких пор...» 121

«Я по лесенке приставной...» 122

«Ветер нам утешенье принес...» 123

Московский дождик 125

Век 125

А небо будущим беременно... 127

Грифельная ода 129

Париж 131

«Как тельце маленькое крылышком...» 133

1 января 1924 134

«Нет, никогда, ничей я не был современник...» 136

«Жизнь упала, как зарница...» 137

«Вы, с квадратными окошками...» 139

«Сегодня ночью, не солгу...» 140

«Из табора улицы темной...» 142

Стихотворения 1930-1934 143

Из цикла «Армения» 144

«Как люб мне натугой живущий...» 146

«Не говори никому...» 147

«На полицейской бумаге верже...» 147

«Дикая кошка — армянская речь...» 148

«Я вернулся в мой город, знакомый до слез...»	149
«С миром державным я был лишь ребячески связан...»	151
«Мы с тобой на кухне посидим...»	151
«Помоги, Господь, эту ночь прожить...»	152
«После полуночи сердце ворует...»	152
«Ночь на дворе. Барская лжа...»	153
«Я скажу тебе с последней прямокой...»	153
«Колот ресницы. В груди прикипела слеза...»	154
«За гремучую доблесть грядущих веков...»	155
«Жил Александр Герцевич...»	155
«Нет, не спрятаться мне от великой муры...»	156
Неправда	157
«Я пью за военные астры, за все, чем корили меня...»	158
Рояль	158
«Сохрани мою речь навсегда за привкус несчастья и дыма...»	159
Канцона	160
«Полночь в Москве. Роскошно буддийское лето...»	161
«Еще далеко мне до патриарха...»	163
«Довольно кукситься! Бумаги в стол засунем!..»	165
Фаэтонщик	166
«Как народная громада...»	168
«Сегодня можно снять декалькомани...»	168
«О, как мы любим лицемерить...»	170
Ламарк	170
«Когда в далекую Корею...»	172
«Увы, растаяла свеча...»	173
Импрессионизм	173
Батюшков	175
К немецкой речи	176
Ариост	178
«Друг Ариоста, друг Петрарки, Гасса друг...»	179
Старый Крым	179
«Мы живем, под собою не чуя страны...»	180

«Квартира тиха как бумага...»	180
<Из Франческо Петрарки>	183
<Памяти Андрея Белого>	186
10 января 1934	187
«Он дирижировал кавказскими горами...»	189
«А посреди толпы, задумчивый, бородатый...»	189
<М. С. Петровых>	190

Воронежские стихи (1935-1937) 191

Чернозем	192
«Я должен жить, хотя я дважды умер...»	193
«Пусти меня, отдай меня, Воронеж...»	193
«Я живу на важных огородах...»	193
«Наушнички, наушники мои!..»	194
«Это какая улица?..»	194
«За Паганини длиннопалым...»	195
«От сырой простыни говорящая...»	196
«День стоял о пяти головах. Сплошные пять суток...»	197
Кама	198
«Лишив меня морей, разбега и разлета...»	199
Стансы	199
«Еще мы жизнью полны в высшей мере...»	201
«Не мучнистой бабочкою белой...»	202
«На мертвых ресницах Исакий замерз...»	202
«Возможна ли женщине мертвой хвала?..»	203
«Римских ночей полновесные слитки...»	204
«Бежит волна-волной, волне хребет ломая...»	204
«Из-за домов, из-за лесов...»	204
«Не у меня, не у тебя — у них...»	206
«Нынче день какой-то желторотый...»	206
«Детский рот жует свою мякину...»	207
«Мой щегол, я голову закину...»	207

«Когда щегол в воздушной сдобе...»	208
«Внутри горы бездействует кумир...»	208
«Пластинкой тоненькой жиллета...»	209
«Сосновой рощицы закон...»	210
«Эта область в темноводье...»	211
«Вехи дальние обоза...»	212
«Как подарок запоздалый...»	212
«Оттого все неудачи...»	213
«Твой зрачок в небесной корке...»	214
«Улыбнись, ягненок гневный с Рафаэлева холста...»	214
«Когда в ветвях понурых...»	215
«Я около Кольцова...»	215
«Дрожжи мира дорогие...»	216
«Влез бесенок в мокрой шерстке...»	216
«Еще не умер ты, еще ты не один...»	217
«В лицо морозу я гляжу один...»	218
«О, этот медленный, одышливый простор!...»	218
«Что делать нам с убитостью равнин...»	219
«Не сравнивай: живущий несравним...»	219
«Я нынче в паутине световой...»	220
«Где связанный и пригвожденный стон?..»	220
«Слышу, слышу ранний лед...»	221
«Люблю морозное дыханье...»	222
«Средь народного шума и спеха...»	222
«Если б меня наши враги взяли...»	224
«Куда мне деться в этом январе?..»	225
«Обороняет сон мою донскую сонь...»	225
«Как светотени мученик Рембрандт...»	226
«Разрывы круглых бухт, и хрящ, и синева...»	227
«Еще он помнит башмаков износ...»	227
«Пою, когда гортань сыра, душа — суха...»	228
«Я в львиный ров и в крепость погружен...»	228
Стихи о неизвестном солдате	229

«Я молю, как жалости и милости...»	234
Реймс-Лаон	235
«На доске малиновой, червонной...»	236
«Я скажу это начерно, шепотом...»	236
«Небо вечера в стену влюбилось...»	237
«Заблудился я в небе — что делать?»	237
«Может быть, это точка безумия...»	238
Рим	239
«Чтоб, приятель и ветра и капель...»	240
Кувшин	241
«Гончарами велик остров синий...»	242
«О, как же я хочу...»	242
«Флейты греческой гэта и йота...»	243
«Как по улицам Киева-Вия...»	244
«Я к губам подношу эту зелень...»	245
«Клейкой клятвой липнут почки...»	245
«На меня нацелилась груша да черемуха...»	247
<Н. Е. Штемпель>	248

Несерьезные стихи 249

Стихотворения для детей	250
Клик и Трам	250
Полотеры	253
Калоша	253
Рояль	254
Яйцо	254
Сонный трамвай	254
Муравьи	255
Шуточные стихотворения	256
<Анне Ахматовой>	256
«Блок...»	256
Антология античной глупости	256

«Не унывай...»	257
«Автоматичен, вежлив и суров...»	257
Актеру, игравшему испанца	258
Газелла	258
«Я вскормлен молоком классической Паллады...»	259
Из Антологии античной глупости	259
«Есть разных хитростей у человека много...»	261
Писателю	261
Лжец и ксендзы	261
«Эмаль, алмазы, позолота...»	262
«По нашим временам куда как стали редки...»	262
Тетушка и Марат	263
«Скажу ль...»	263
«Однажды некогда какой-то подполковник...»	264
<И. Уткину>	265
«Однажды из далекого кишлака»	265
<М. С. Петровых>	265
«Это есть художник Альтман...»	266
Анне Ахматовой	266
«На берегу Эгейских вод...»	266
«Случайная небрежность иль ослышка...»	268
Подражание новогреческому	268
<i>Четвертая проза</i>	269
Примечания	285

О. Э. Мандельштам

сип Эмильевич Мандельштам — самый замечательный из современных русских поэтов после Блока и самый неопцененный. В одном из ранних его стихотворений есть строчки:

За радость тихую дышать и жить
Кого, скажите, мне благодарить?..

Эта «тихая радость» всегда светилась в нем, он был полон ею и нес ее торжественно и бережно. Доверчивый, беспомощный, как ребенок, лишенный всяких признаков «здорового смысла», фантазер и чудак, он не жил, а ежедневно «погибал». С ним постоянно случались невероятные происшествия, неправдоподобные приключения. Он рассказывал о них с искренним удивлением и юмором постороннего наблюдателя. Как пушкинский Овидий,

Он слаб и робок был, как дети,

но кто-то охранял его и проносил невредимым через все жизненные катастрофы. И, как пушкинский Овидий, —

Имел он песен дивный дар...

Тоненький, щуплый, с узкой головой на длинной шее, с волосами, похожими на пух, с острым носиком и сияющими глазами, он ходил на цыпочках и напоминал задорного петуха. Появлялся неожиданно, с хохотом рассказывал о новой свалившейся на него беде, потом замолкал, вскакивал и таинственно шептал: «Я написал новые стихи». Закидывал голову, выставляя вперед острый подбородок, закрывал глаза — у него были веки прозрачные, как у птиц, и редкие длинные ресницы веером, — и раздавался его удивительный голос, высокий и взволнованный, его протяжное пение, похожее на заклинание или молитву.

Читая стихи, он погружался в «аполлинический сон», опьянялся звуками и ритмом. И когда кончал, смущенно открывал глаза, просыпался.

В 1912 году Осип Эмильевич поступил на филологический факультет Петербургского университета. Ему нужно было сдать экзамен по греческому языку, и я предложил ему свою помощь. Он приходил на уроки с чудовищным опозданием, совершенно потрясенный открывшимися ему тайнами греческой грамматики. Он взмахивал руками, бегал по комнате и декламировал нараспев склонения и спряжения. Чтение Гомера превращалось в сказочное событие; наречия, энклитики, местоимения преследовали его во сне, и он вступал с ними в загадочные личные отношения. Когда я ему сообщил, что причастие прошедшего времени от глагола «пайдево» (воспитывать) звучит «пепайдевкос», он задохнулся от восторга и в этот день не мог больше заниматься. На следующий урок пришел с виноватой улыбкой и сказал: «Я ничего не приготовил, но написал стихи». И, не снимая пальто, начал петь. Мне запомнились две строфы:

И глагольных окончаний колокол
Мне вдали указывает путь,
Чтобы в келье скромного филолога
От моих печалей отдохнуть.

Забываю тяготы и горести,
И меня преследует вопрос:
Приращенье нужно ли в аористе
И какой залог «пепаидевкос»?

До конца наших занятий Осип Эмильевич этого вопроса не решил. Он превращал грамматику в поэзию и утверждал, что Гомер — чем непонятнее, тем прекраснее. Я очень боялся, что на экзамене он провалится, но и тут судьба его хранила, и он каким-то чудом выдержал испытание. Мандельштам не выучил греческого языка, но он отгадал его. Впоследствии он написал гениальные стихи о золотом руне и странствиях Одиссея:

И покинув корабль, натрудивший в морях полотно,
Одиссей возвратился, пространством и временем полный.

В этих двух строках больше «эллинизма», чем во всей «античной» поэзии многоученого Вячеслава Иванова.

Через несколько лет после греческого экзамена мы встретились с ним в «Профессорском уголке», в Алуште. Он обедался виноградом, объяснял мне свои сложные финансовые операции (у него никогда не было денег), лежал на пляже и искал в песке сердолики. Каменистая Таврида казалась ему Элладой и вдохновляла его своими «кудрявыми» виноградниками, древним морем и синими горами. Глухим голосом, под шум прибоя, он читал мне изумительные стихи о холмах Тавриды, где «всюду Бахуса службы», о белой комнате, где «как прялка, стоит тишина».

Мандельштам любил смотреть на далекие Судакские горы, на туманный мыс Меганом. О нем написал он строфы, загадочные и волшебные:

Как быстро тучи пробегают
Неосвященную грядой,
И хлопья черных роз летают
Под этой ветряной луной.

И, птица смерти и рыдания,
Влачится траурной каймой
Огромный флаг воспоминанья
За кипарисною кормой.

И раскрывается с шуршаньем
Печальный веер прошлых лет, —
Туда, где с темным содроганьем
В песке зарылся амулет,

Туда душа моя стремится,
За мыс туманный Меганом,
И черный парус возвратится
Оттуда после похорон.

Житейские катастрофы тем временем шли своей чередой. Осипу Эмильевичу было поручено купить в Алуште банку какао. На обратном пути в «Профессорский уголок» он сочинял стихи и в рассеянности съел все какао. Какие-то кредиторы грозили ему; с кем-то он вел драматические объяснения. Но эти невзгоды были ничто по сравнению с настоящим горем, которое он пережил в конце этого крымского лета 1916 года. Я помню, с каким вдохновением он сочинял одно из лучших своих стихотворений:

Не веря воскресенья чуду,
На кладбище гуляли мы.
— Ты знаешь, мне земля повсюду
Напоминает те холмы.

И две последние строки второй строфы возникли сразу в своем законченном великолепии:

Где обрывается Россия
Над морем черным и глухим...

Но первые две строки? Их не было.
Напрасно Мандельштам повторял эти стихи, надеясь, что они приведут за собой недостающие рифмы, — они не приходили.
Я никогда не видел его в таком отчаянии. «Вот я слышу, — говорил он:

Где обрывается Россия
Над морем черным и глухим...

а перед этим — пустое место, как бельмо на глазу. Ничего не вижу». Простодушно он просил друзей помочь ему, сочинить две строчки. Так они и не сочинились. В сборнике «Tristia» на месте их стоит два ряда многоточий.

Словесное мастерство Мандельштама роднит его с Тютчевым. Вспомню его стихотворение о смерти:

Когда Психея-жизнь спускается к тням
В полупрозрачный лес вослед за Персефоной,
Слепая ласточка бросается к ногам
С стигийской нежностью и веткою зеленой.

И последняя строфа:

И в нежной сутолке не зная, что начать,
Душа не узнает прозрачные дубравы,
Дохнет на зеркало и медлит передать
Лепешку медную с туманной переправы.

Эти стихи беспримерны в русской поэзии. Они вызывают изумление: слова звучат странной, непривычной музыкой. Кажется, что написаны они на чужом языке, древнем и торжественном, как язык Пиндара.

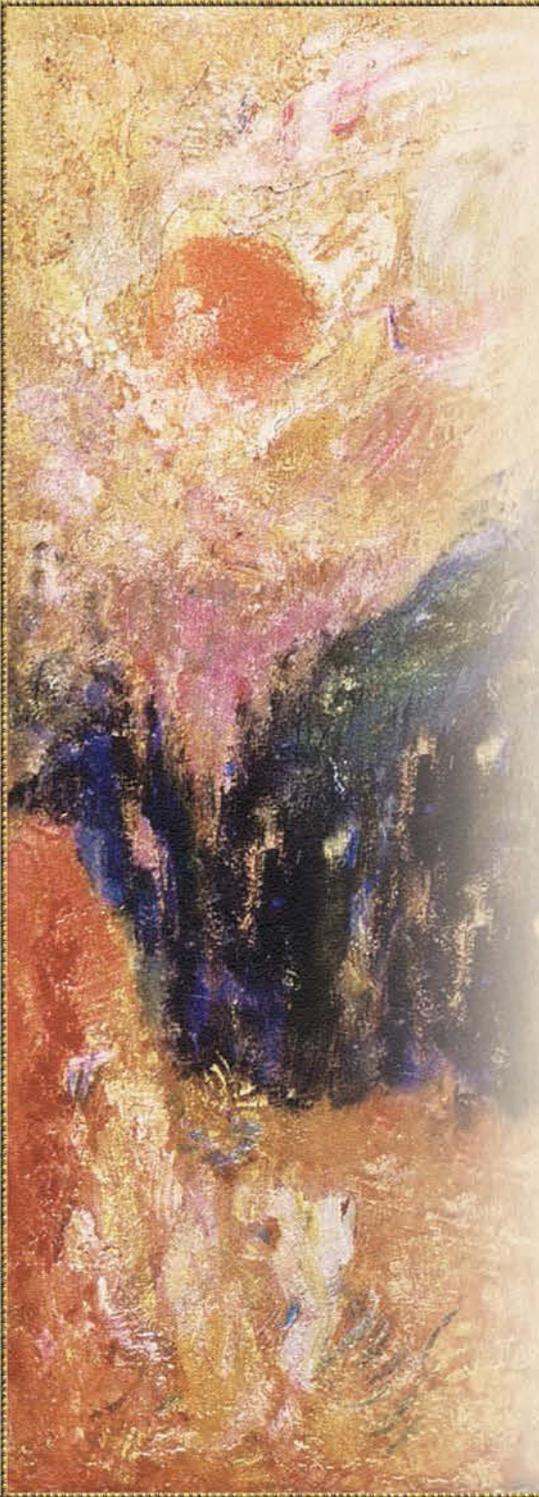
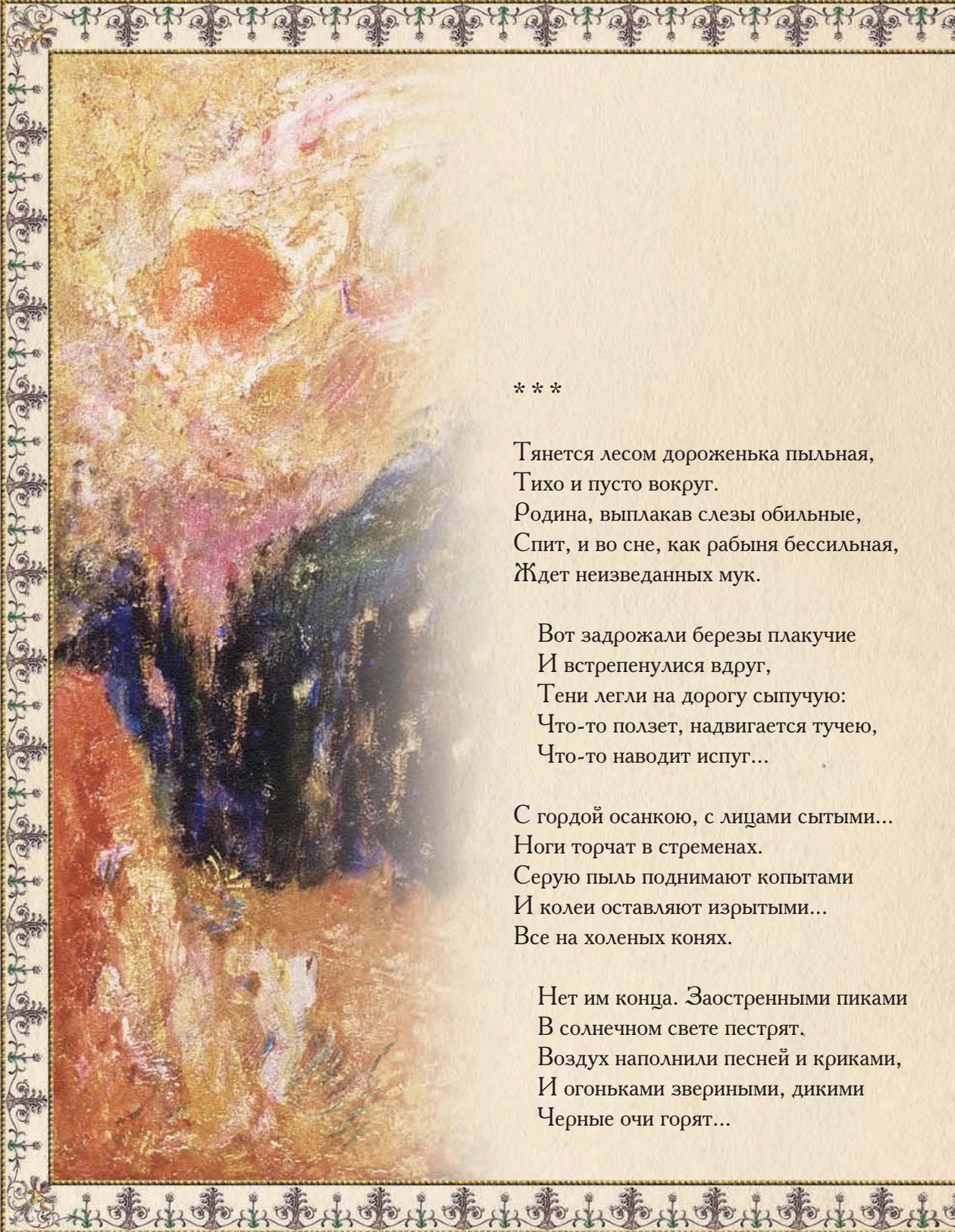
Мандельштам писал мало, с трудом и напряжением; боролся с «материалом», преодолевал «недобрую тяжесть» слов. Он издал два тоненьких сборника стихов: «Камень» и «Tristia» — и небольшой сборник статей «Шум времени».

Константин Мочульский

*Стихотворения
ранних лет
(1906-1915)*

* * *

Тянется лесом дороженька пыльная,
Тихо и пусто вокруг.
Родина, выплакав слезы обильные,
Спит, и во сне, как рабыня бессильная,
Ждет неизведанных мук.

Вот задрожали березы плакучие
И встрепенулися вдруг,
Тени легли на дорогу сыпучую:
Что-то ползет, надвигается тучею,
Что-то наводит испуг...

С гордой осанкою, с лицами сытыми...
Ноги торчат в стремених.
Серую пыль поднимают копытами
И колеи оставляют изрытыми...
Все на холеных конях.

Нет им конца. Заостренными пиками
В солнечном свете пестрят,
Воздух наполнили песней и криками,
И огоньками звериными, дикими
Черные очи горят...

Прочь! Не тревожьте поддельным веселием
Мертвого, рабского сна.
Скоро порадуют вас новоселием,
Хлебом и солью, крестьянским изделием...
Крепче нажать стремена!

Скоро столкнется с звериными силами
Дело великой любви!
Скоро покроется поле могилами,
Синие пики обнимутся с вилами
И обагрятся в крови!
<1906>

* * *

Только детские книги читать,
Только детские думы лелеять,
Все большое далеко развеять,
Из глубокой печали восстать.

Я от жизни смертельно устал,
Ничего от нее не приемлю,
Но люблю мою бедную землю
Оттого, что иной не видал.

Я качался в далеком саду
На простой деревянной качели,
И высокие темные ели
Вспоминаю в туманном бреду.
1908

* * *

О красавица Сайма¹, ты лодку мою колыхала,
Колыхала мой челн, челн подвижный,
игривый и острый.

В водном плеске душа колыбельную негу слыхала,
И поодаль стояли пустынные скалы, как сестры.
Отовсюду звучала старинная песнь — Калевала:
Песнь железа и камня о скорбном порыве титана.
И песчаная отмель — добыча вечернего вала, —
Как невеста, белела на пурпуре водного стана.
Как от пьяного солнца бесшумные падали стрелы
И на дно опускались и тихое дно зажигали,
Как с небесного дерева клонилось,

как плод перезрелый,
Слишком яркое солнце, и первые звезды мигали;
Я причалил и вышел на берег седой и кудрявый;
Я не знаю, как долго, не знаю, кому я молился...
Неоглядная Сайма струилась потоками лавы,
Белый пар над водою тихонько вставал и клубился.
<Ок. 19 апреля 1908, Париж>

* * *

Мой тихий сон, мой сон ежеминутный —
Невидимый, замороженный лес,
Где носится какой-то шорох смутный,
Как дивный шелест шелковых завес.

В безумных встречах и туманных спорах,
На перекрестке удивленных глаз
Невидимый и непонятный шорох
Под пеплом вспыхнул и уже погас.

И как туманом одеваает лица,
И слово замирает на устах,
И кажется — испуганная птица
Метнулась в вечеряющих кустах.
1908

* * *

Здесь отвратительные жабы
В густую падают траву.
Когда б не смерть, то никогда бы
Мне не узнать, что я живу.

Вам до меня какое дело,
Земная жизнь и красота?
А та напомнить мне сумела,
Кто я и кто моя мечта.
<1909>

* * *

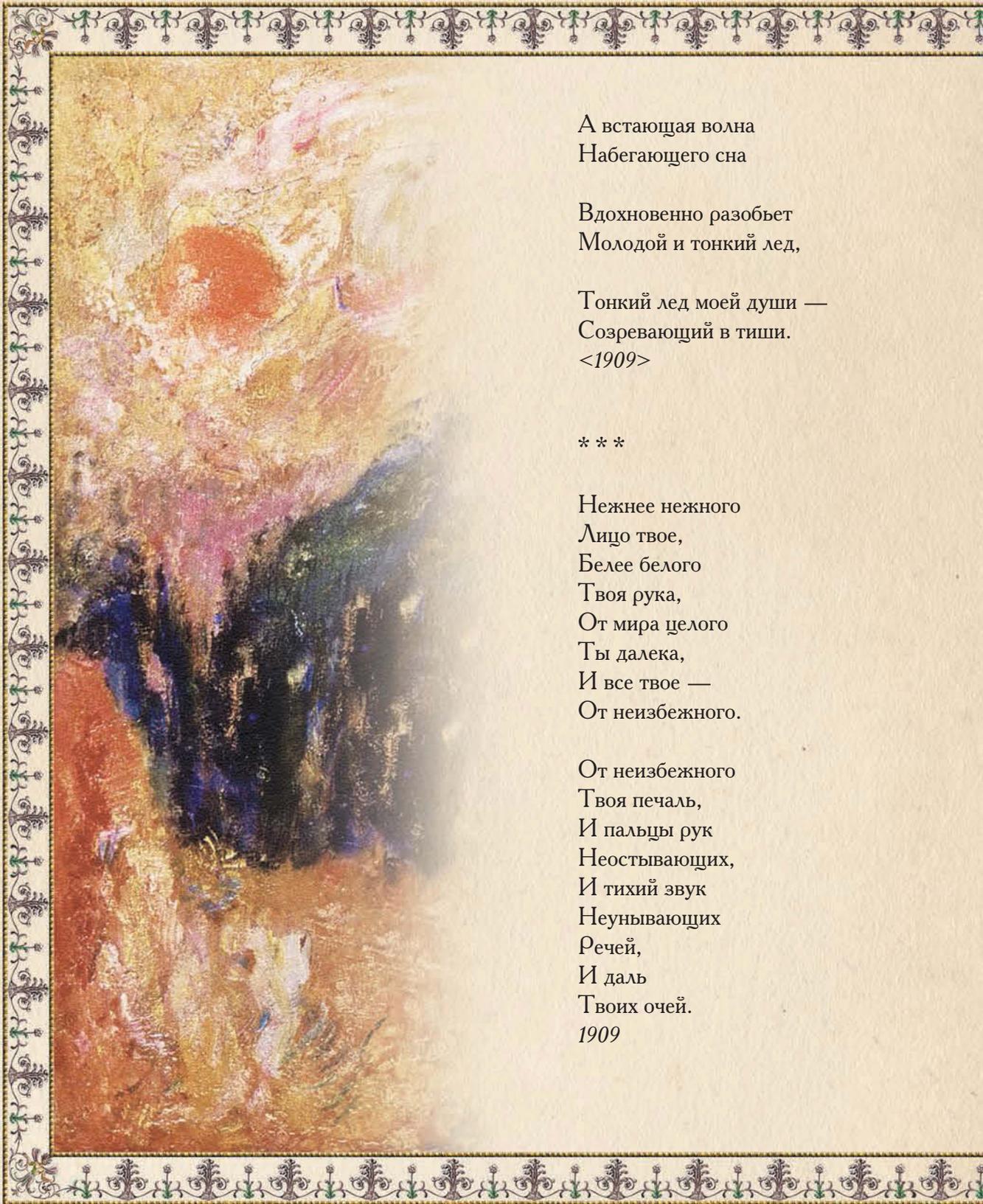
Музыка твоих шагов
В тишине лесных снегов,

И, как медленная тень,
Ты сошла в морозный день.

Глубока, как ночь, зима,
Снег висит, как бахрома.

Ворон на своем суку
Много видел на веку.

А встающая волна
Набегающего сна

Вдохновенно разобьет
Молодой и тонкий лед,

Тонкий лед моей души —
Созревающий в тиши.
<1909>

* * *

Нежнее нежного
Лицо твое,
Белее белого
Твоя рука,
От мира целого
Ты далека,
И все твое —
От неизбежного.

От неизбежного
Твоя печаль,
И пальцы рук
Неостывающих,
И тихий звук
Неунывающих
Речей,
И даль
Твоих очей.
1909

* * *

На бледно-голубой эмали,
Какая мыслима в апреле,
Березы ветви поднимали
И незаметно вечерели.

Узор отточенный и мелкий,
Застыла тоненькая сетка,
Как на фарфоровой тарелке
Рисунок, вычерченный метко, —

Когда его художник милый
Выводит на стеклянной тверди,
В сознании минутной силы,
В забвении печальной смерти.
1909

* * *

Дано мне тело — что мне делать с ним,
Таким единым и таким моим?

За радость тихую дышать и жить
Кого, скажите, мне благодарить?

Я и садовник, я же и цветок,
В темнице мира я не одинок.

На стекла вечности уже легло
Мое дыхание, мое тепло.

